

Балычев Юрий Николаевич

Я родился 10 апреля 1924 г. в селе Хатынец Орловской области, в семье учителей. Русский.

Мать, Анна Васильевна Балычева, работала учительницей начальных классов. Отец, Балычев Николай Афанасьевич, работал по линии ликвидации безграмотности (инспектор всеобуча). Впоследствии перешёл в Министерство совхозов в Москву, принимал на заводах оборудование для совхозов.

К началу войны (1941-1945) окончил 9 классов в городе Балашиха Московской области.

О начале войны узнал 22 июня. Состоял в народной дружке жилого дома, где проживал.

Начал участвовать в войне по окончании военного училища в городе Свердловск в апреле 1943 года.

Боевой путь в составе 315-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии Южного фронта: прошёл от рубежа реки Миусс до южной части Донбасса; посёлок Степановка и далее по реке Северский Донец; посёлок Ионовка; город Новошахтинск; город Мелитополь; Мамашай; Бельбек; Асканья-Нова; Перекоп; Джанкой; Бахчисарай.

Боевые действия закончил в освобождении города Севастополя 8 мая 1944 года.

Ранения: под Мелитополем ранен в левое бедро, госпитализирован на 10 дней.

Награждён:

- орденом Отечественной войны 1-й степени (№452266);
- орденом Красной Звезды (№3750751);
- орденом Красной Звезды (№903305);
- орденом Красной Звезды (№3685762);
- орденом «За Службу Родине в Вооружённых силах СССР» 3-й степени (№49452);
- орденом «Серебряная Звезда» (Общественное Признание, №2605);
- орденом Дружбы (№0404);
- медалями: «За боевые заслуги»; «За выслугу лет в Советской Армии» 1-й и 2-й степени; юбилейные медали Вооружённых Сил и Победы, и др.
- орденами и медалями иностранных государств-участников Варшавского Договора.

Жена, Балычева Александра Григорьевна, 1923 года рождения, преподаватель французского языка, служила в армии с 1942 по 1945 г. В частях 15-й ВА, ефрейтор, шофёр, участник войны с Японией.

В школе у нас был военрук, участник боёв на реке Халхин-Гол (Монголия). Он научил нас разбирать и собирать винтовку и замок станкового пулемёта, познакомил с устройством гранаты. У нас были уроки тактики, но главная подготовка заключалась в сдаче норм на значки ГТО, ГСО, ПВХО и тренировки в противогазах; обучались самопомощи и взаимопомощи при ранениях.

И я считал, что мы уже готовы к войне. Пока мы на войне не были, мы были к ней готовы. И когда 22-го войну объявили, все мы пошли в военкомат. Военком нас отослал назад – учиться в школу и в райком комсомола. В райкоме комсомола нам сказали заниматься гражданской обороной и участвовать в дружинах по защите жилых домов. В этих дружинах принимали участие взрослые, старшеклассники и даже пожилые люди. Дружины дежурили во время налёта немецкой авиации в готовности к ликвидации последствий возможных

ударов немецкой авиации, а также в задержании диверсантов. Но тогда это не ощущалось как война.

В октябре нашу семью эвакуировали на Урал, в посёлок Нижний Уфалей. Там я работал электромонтёром, помогал специалисту в установке лечебной аппаратуры в детском костно-туберкулёзном санатории, с которым мы были эвакуированы; занимался техническим обслуживанием установленной аппаратуры. О войне узнавал только из сводок СовИнформБюро, одновременно проходил допризывную подготовку, а в марте-месяце призвали в армию и направили в Свердловское пехотное училище. Так началась моя официальная военная служба.

В этот период училище находилось в Еланских лагерях, так как капитальное здание в городе было занято Военной академией имени Жуковского. Обучение проходило по сокращённой программе: 9 месяцев вместо 2-х лет. По окончании училища всему выпуску присвоили офицерское звание «младший лейтенант», и отправили в конце марта на Южный фронт.

Целый месяц ехал наш эшелон, в нём - выпускники 3-х училищ. Проезжая по районам боёв за Сталинград, эшелон часто останавливался, пропуская транспорты с вооружением и санитарные поезда, а на станциях курсанты вооружались, так как там были штабеля собранных на поле боя винтовок, станковые и ручные пулемёты, гранаты и патроны.

Таким образом, мы приближались к фронту вооружёнными «до зубов». Руководство эшелонов пыталось отобрать оружие, но попытки были безуспешными. Зато, когда на одном из перегонов немецкий самолёт-разведчик пытался облететь эшелон на низкой высоте, он был встречен таким ружейно-пулемётным огнём, что немедленно набрал высоту и улетел. Правда, свою задачу он выполнил, и ночью, когда мы прибыли на станцию Красный Сулин, был налёт немецких бомбардировщиков, но большого урона этот налёт не нанёс. Станция прикрывалась зенитной артиллерией, и прицельная бомбардировка у немцев не получилась.

На утро следующего дня, когда железнодорожный путь был восстановлен, мы добрались до города Краснодар, где находился запасный фронтовой полк. А дальше нашу «самодеятельную вооружённую банду» (как назвал командир

полка) распределили по армиям и отправили на автомобилях в армейские запасные полки и дивизии. Таким образом, я попал в 315-ю стрелковую дивизию, которая после доукомплектования и отдыха готовилась к прорыву обороны противника по западному берегу реки Миус.

Утром я получил направление в 724-й стрелковый полк, а в последующие сутки я – уже командир 1-го взвода миномётной роты стрелкового батальона. Вспоминаю, когда проходила артподготовка (миномётчики тоже участвовали в ведении огня) почти час с лишним был гром, шум, вой снарядов, дым от выстрелов и пыль такая, что не было видно солнца. В этих условиях для стрельбы из миномёта была большая опасность опустить две мины подряд и, чтобы избежать этого, заряжающие держали руку на ствольной накладке и по толчку ствола определяли выход мины.

Дивизия с успехом прорвала оборону противника, вышла на назначенный рубеж. Ключевая позиция обороны была на высоте Саур-Могила. Дивизия закрепилась на достигнутом рубеже, а у подножья горы было выставлено боевое охранение в составе усиленной стрелковой роты и миномётного взвода. В этом боевом охранении мы находились 6 дней и задачу выполнили до конца. Затем поступило распоряжение дивизию вывести во второй эшелон. Основной состав был заменён свежими подразделениями, а боевое охранение осталось на месте. Во время смены подразделений дивизии противник перешёл в атаку. Всё перемешалось: отступающие, обороняющиеся и меняющиеся, но мы «худо-бедно» остались живы, меня только слегка контузило.

Мы вышли из боя и направились на наши исходные позиции до наступления. Там оставались неиспользованные мины и подготовленные укрытия. Я дал команду «Миномёты к бою!» и в это время ко мне подошёл руководитель заградотряда и спросил, кто мы, откуда и куда идём. Я показал своё удостоверение, и сказал, что мы составляли боевое охранение, а дивизия выводится во второй эшелон. Он сказал, чтобы мы двигались в район Степановки, где собираются выходящие из боя части дивизии. Тут произошёл интересный случай. Впереди нашей огневой позиции в окопах залегли солдаты меняющей части, и я слышу крик: «А ты что не стреляешь?». Обернувшись, я увидел девушку санитарку с

сумкой через плечо, а в руках автомат. В ответ я объяснил, что стрелять не могу, так как не знаю, где противник, а где наши. Она гневно посмотрела, начала поднимать солдат с криком: «Вперёд, что вы валяетесь?». Вот такая храбрая оказалась на вид хрупкая девушка.

В итоге контратака была отбита, замена произошла, и мы спокойно пошли в Степановку, где нам дали новое направление в составе батальона совершить переход под город Ворошиловград. Там нас накормили, мы получили пополнение, немного отдохнули и перешли в наступление, которое успешно развивалось в направлении города Мелитополь. С боями освободили несколько шахтёрских посёлков, преследуя отходящего противника; дивизия сходу форсировала реку Северский Донец. Противник стал отходить на подготовленный рубеж. Продолжая наступление, дивизия овладела южной частью города Новошахтинск, прошли по югу Украины и где-то к началу сентября подошли к главному опорному узлу на подготовленной обороне по реке Молочная - городу Мелитополь.

Интересно проходило преследование. Противник отходил от рубежа к рубежу, оставляя прикрытие. А мы пешим порядком подходим к рубежу, сбиваем прикрытие и опять преследуем отходящие подразделения прикрытия. Там нас уже огнём встречают. И вот так раз, наверное, десять или пятнадцать. Таким образом, мы еле успевали за ними идти, догонять их.

В итоге, вышли мы на рубеж обороны, и ворвались в Мелитополь. Там были продолжительные бои, и, дней через восемь-десять, мы освободили Мелитополь, а я к этому времени попал в госпиталь, пролежал там около десяти дней. Во время бомбёжки попала бомба на огневую позицию, получил ранение в левое бедро, которое меня уложило в госпиталь почти до конца боёв за Мелитополь, и к этому времени госпиталь должен был уходить в другой район, и мы решили добраться до своей части. В госпитале говорят: «Вы вот поедете туда-то, а потом ещё куда-то...» Ну, мы ему и сказали: «Доктор, мы поедем, а Вы нас не ищите там, пожалуйста...»

Помню, на наших машинах, которые осуществляли подвозы продовольствия с армейских складов, была эмблемка

«225 в ромбике». Мы, я и ещё два офицера из нашей дивизии, пошли к складам и устроились на машину. Добрались до дивизионных складов, а оттуда, таким же образом, пришёл я в свой полк, там в свой взвод, которым командовал, принял взвод обратно и благополучно довоевал до Перекопа.

Противник не слишком упорствовал, отдельные рубежи держали, а так – просто бежали. Впереди нас пошёл кавалерийский корпус. Они расчищали более или менее, мы потом подходили. А в первых числах ноября провели небольшую атаку и захватили Перекоп. В «Известиях» было написано: «Наши войска овладели городами Перекоп и Армянск». А это город – ни одного дома нет, одни деревенские маленькие домишки из самана (кирпич из смеси глины с соломой).

Главное на войне не героизм, а стойкость и выполнение поставленной задачи. А герои – это из ряда вон выходящий случай. Но я считаю так, что каждый солдат, вылезая из окопа под летящие пули – это тоже герой. Я вот один раз ходил в атаку, и знаю, что, когда вылезешь, назад так и тянет, но знаешь, что, если не вылезешь, то никто не вылезет. А только показал, все сразу пойдут! Все понимают, но никто не думает, что его убьют, может быть, на худой конец, ранен, но не убит.

И вот только был начальник штаба Кузьмин, он мне сказал: «Юрка, ты знаешь, меня в этот раз убьют...» Я ему: «Что это ты так?» «А вот так. Больше трёх прорывов ни один начальник штаба батальона не оставался в этом полку. Это третий будет!» - сказал он мне. И погиб. Предчувствие. Это было до начала прорыва обороны немцев на Крымском перешейке. Перед нами был Турецкий вал, а это очень сложное для преодоления сооружение. Ров, который соединял Сивашский залив Азовского моря с Каркенинским заливом Чёрного моря. Его глубина была метров 10, не меньше, в общем, с двухэтажный дом, спрятаться можно вполне. На южной стороне рва немцы окопались, а ров, как противотанковое прикрытие, был наш, то есть, они нам его оставили, чтобы не пропустить танки.

7-го ноября первый раз дивизия атаковала вал на своём участке, но неудачно. Оборона на Перекопе продолжалась до апреля 1944 года. Я выполнял обязанности командира

миномётного взвода, одновременно готовился, как дублёр начальника штаба батальона. Немцы создали хорошую, сильную оборону. Дивизия подошла туда после Мелитополя. Впереди нас прошёл танковый корпус генерала Васильева и кавалеристы, которые с ходу немцев прижали, захватили часть Турецкого вала и подошли к городу Армянску, но взять не смогли, немцы провели сильную контратаку. Они вынуждены были отойти, но оставили часть Турецкого вала за собой, потому что в этот момент подошла наша дивизия, и нас не смогли столкнуть, дивизия закрепились, и началась оборона.

Оборона продолжалась с ноября месяца и до апреля. Изучали оборону противника, проводили разведку боем и остальные всякие необходимые мероприятия для подготовки прорыва. Когда пополнилась людьми дивизия, подошла артиллерия Головного резерва Верховного Главнокомандования (РВГК), и было назначено время прорыва обороны, которое не разглашалось до самого последнего момента в целях сохранения внезапности прорыва. Это было 8 апреля.

Интересное в этом прорыве было то, что, наверное, впервые за всю войну, был применён следующий тактический приём. В первой траншее были сделаны мишени, в виде солдат в касках. Раздались крики: «Ура!». Немцы решили, что мы поднимаемся в атаку и применили все свои огневые средства. Тут-то разведка и засекла все огневые средства противника, и, конечно, подавила. Я тогда был с миномётной ротой, мы занимали огневые позиции, готовились к ведению огневого вала, сопровождавшего атаку пехоты.

А когда началась атака, через несколько минут мне позвонили из штаба батальона - командир батальона вызвал на командный пункт. Пришёл туда, доложил командованию, что прибыл, и получил распоряжение принять дела начальника штаба. Когда мы пошли в атаку, он решил поближе подойти к противнику, чтобы видеть, потому что связь с ротами у нас тогда была только телефонная, радио не было, а обстановку нужно было докладывать в штаб полка постоянно. И тогда он решил, чтобы самому было видно, что, где и как, переместить свой командный пункт ближе к наступающим цепям. Немцы засекли.

Обычно перемещение не толпой совершается, а группами, а тут, видно, они все сразу выскочили, и связисты, и радисты, и снайпера, в общем, все, кто обслуживает штаб. Немцы, видно, по этой толпе и ударили артиллерией. В него попал осколок и он погиб сразу. Я забрал документы из штаба, «в сейфе», который называется полевой сумкой. Осталось только разобраться, что сделать с приказом. Вот таким образом я вступил в должность начальника штаба батальона.

Тогда должность называлась – старший адъютант стрелкового батальона, ещё со старого времени осталось название. Прошла атака нормально, первую позицию прорвали, переместились до станции Армянск. С тех пор по 1946 год исполнял обязанности начальника штаба стрелкового батальона 724-го стрелкового полка 315-й Мелитопольской Краснознамённой стрелковой дивизии, которая после боёв за Севастополь была выведена в резерв Верховного Главнокомандования и до конца войны была дислоцирована в Крыму, сначала в районе города Карасу-Базар, и позднее в Феодосии.

Когда прорывали оборону на Перекопе, там отличился наш командир взвода 45-мм пушек, старший лейтенант Александр Безручко. Противник предпринял контратаку по роте пехоты при поддержке трёх танков. Батарея стояла сзади боевых порядков на станции Армянск в разрушенных зданиях пакгауза, который, по всей видимости, горел, так как стены сохранились, а окон и крыши не было. Они пушку спрятали за стенами, а когда танки вышли на расстояние прямого выстрела, они выкатили пушку, и по первому танку нанесли удар. Танк задымил, и в это время второй танк ударил по пушке. Ранило двух или трёх человек. Вторая пушка взвода с другого конца подбила второй танк. Тут подошёл противотанковый резерв полка, там были 85-миллиметровые пушки, они завершили разгром этой группировки из трёх танков, и контратака противника провалилась. Командиром первой пушки был сержант Петухов, его наградили орденом Боевого Красного Знамени.

Другой интересный случай был в 1943 году, когда мы преследовали противника при выдвижении к Мелитополю. Полк шёл во второй линии второго эшелона дивизии, и шли в батальонных колоннах по дорогам. А хозяйственный взвод

получил задачу выехать вперёд, приготовить обед, чтобы всё как положено. Командиром взвода был лейтенант Кочергин, они параллельной дорогой быстро нас обогнали (мы-то пешком), приехали в пункт и на восточной окраине села развернулись, кухни поставили, начали варить, и мальчишка прибежал, и говорит: «А там, на западном конце села немцы!» «Какие немцы? Много?» - удивились хозяйственники. «Там у них автомобиль и такая же кухня, как у вас», - ответил мальчик.

В этой обстановке командир взвода, опытный сибирский охотник Кочергин решил лично разведать, оставив поваров при кухне, а остальной состав хозяйственного взвода скрытно выдвинулся к немецким кухням. Эти сидят, варят что-то, ничего не подозревают. С криком «Ура!», бросили пару гранат - немцы сдались. В это время командир батальона выслал конную разведку, разыскать Кочергина, так как мы не знали, где он. Когда разведка пришла, увидела, что у них там пленных человек шесть или восемь, автомобиль, кухня, и сами они сидят, дрожат, что делать – не знают. Немцы вот-вот могут придти, ибо наверняка так же ищут кухню. Но наши разведчики упредили, хозяйственный взвод и пленных немцев на их машине привезли в расположение батальона. Так что когда наши подошли, они обрадовались. Мы решили свой обед съесть, а их раздали. Вот так получилось, что хозяйственный взвод захватил пленных, всё благодаря героическому поступку лейтенанта Кочергина.

Во время выдвижения по Крыму мы взяли Ишуньские позиции, несколько километров южнее Перекопа. Мы как раз прорвали оборону 10-го апреля, в мой день рождения. Комбат говорит перед 10-м ночью: «Давай выпьем за твой день рождения, а то завтра ещё не известно, что будет...» А в 4 или 5 утра атаковали эти позиции, успешно прорвали, и пошли.

Перешли в преследование. Батальон получил задачу действовать в авангарде полка, во взаимодействии с передовым отрядом дивизии, которому командир дивизии дал маршрут на Севастополь. Я сделал кроки маршрута, так как карта была только у начальника штаба 1328-го стрелкового полка. Батальон начал выдвижение уже в сумерках в общем направлении на юг. Когда вышли на уровень Симферополя, стало совсем темно. В первой попавшейся на маршруте

деревне, я решил сориентироваться путём опроса населения, как называется их село, и в каком направлении дорога на Севастополь, но это оказалось непросто.

Захожу в первый попавшийся дом, спрашиваю, кто говорит по-русски. В доме сидят одни перепуганные женщины. Спросил ещё раз, где мужчины. Женщина, которая была рядом со мной, показала в направлении соседнего дома.

Вообще говоря, крымские татары в войне повели себя не очень хорошо, сразу перешли на сторону немцев, у них даже форма своя была – шапка лисья и хвост. Как правило, они были снайперами. Так вот, они там сидят, молятся.

Я у них спрашиваю: «Кто по-русски понимает?».

Молчат. Никто не знает, как на Мамашай выйти, хотя тут километров 10-15.

Я им тогда так говорю: «Дорогие, если вы мне сейчас не выделите человека, все вы будете расстреляны».

Постояли-постояли. Я вытащил наган, пока замполита нет. Первый подошёл к солдатам, а я им и говорю: «Отведите его за дом и там в воздух стреляйте, и пусть он орёт».

Так и сделали. И второго тоже. Потом один встал и говорит: «Я учитель, я по-русски понимаю».

Я ему: «Ну, так надо было сразу сказать!..».

«Что вам нужно?» - говорит он.

«Нам нужна дорога до Мамашая», - отвечаю я.

«Они вам не скажут», - сказал он

«Как не скажут?» - удивился я.

«А вот так не скажут», - уверенно ответил он.

«А Вы скажете?» - спросил я.

«Да, я вас проведу. Товарищ начальник, только, если они увидят это, не меня, ни моей семьи не будет», - сказал он.

Я говорю: «Хорошо, не увидят».

Поехали. «Сухопутный лоцман» сидит со мной в повозке. Минут через 40 он просит остановиться и говорит: «Там, в долине, мол, деревня, это – Мамашай». Послал разведку, она подтвердила.

Я ему говорю: «Ну, будь здоров, спасибо, добирайся до дома, но пока Советская власть не придёт, лучше не показывайся. А хочешь, поедем с нами на Севастополь?».

Он сказал, что воевать не хочет, а на время спрячется в горах.

Батальон с разведкой впереди вошёл в крупное село и остановился для приведения в порядок после ночного марша, вперёд выслали разведку. Разведка обнаружила противника на северных скатах высоты в 300-х метрах от села, и определила, что это группа прикрытия отходящего противника.

Комбат принял решение атаковать группу противника и при отходе не дать ей оторваться от наших передовых подразделений. Атака была успешной, батальон первым эшелонам сбил группу прикрытия противника и перешёл в преследование его отходящих подразделений в южном направлении. В ходе преследования преодолел противотанковый ров и захватил 1-ю траншею передовой позиции оборонительного обвода города Севастополь. Противник контратаковал, и батальон перешёл к обороне на занятом рубеже и начал закрепляться, используя оборонительные сооружения противника. Командный пункт батальона использовал противотанковый ров. Там же был размещён передовой медицинский пункт и пункт боевого питания.

Для отражения возможных атак противника была отведена команда оборудовать в скатах противотанкового рва ячейки для стрельбы из винтовок и две пулемётные площадки и позицию для ПТР (противотанкового ружья).

Во второй половине дня на командный пункт батальона прибыл командир полка, который решил, что батальон может развивать наступление и дальше, и начал отдавать распоряжения по выполнению. В это время противник нанёс мощный артиллерийский налёт, и пехота с 3-мя танками перешла в контратаку. Контратака была направлена в тыл нашего 1-го эшелона на позицию соседа и частично на размещение командного пункта батальона.

Разведчики-наблюдатели доложили об этом. Командир полка скомандовал перейти в контратаку и со своей группой управления быстро отправился в ход сообщения, который вёл в тыл. Нам ничего не оставалось делать, как подготовиться к отражению атаки, наличными силами, которые, с учётом легко раненых, составляли человек 18-20.

Я дал команду «К бою!», но огонь открывать по команде. Заняли свои подготовленные позиции. Я понял, что, если контратака продвинется вперёд, то она попадёт под фланговый

огонь 1-го эшелона батальона. Бойцы заняли позиции в готовности к ведению огня. Но в это время по контратакующей группе противника был нанесён удар «Катюши», который смешал противника с землёй, и контратака заглохла. Батальон остался на месте, продолжая удерживать занимаемый рубеж. К исходу дня батальон получил команду сдать занимаемый участок обороны и перейти в район Бельбек.

Это были отроги Миккензиевых гор, где до начала наступления на Севастополь мы заняли оборону. Там был курьёзный случай. Повар поставил кухню, убрав в сторонку лошадь, открыл котёл, и дал команду солдатам с котелками подойти за пищей, а сам в это время пошуровал в топке, чтобы обед не остывал. Эти действия произвели сноп искр из трубы кухни, который заметила лётчица нашего ночного бомбардировщика У-2, летевшего над обороной противника. Она, считая, что это позиция противника, бросила в направлении источника искр гранату или маленькую бомбу, которая, совершенно неожиданно, попала в котёл и разорвалась там.

Люди, в том числе и повар, которые находились близко от кухни, при звуках опускающейся бомбы залегли, а бомба разорвалась в котле, и в результате этого окружающие деревья (а кухня стояла в саду), покрылись макаронами по-флотски, а люди не пострадали. На войне бывает в таких случаях весело. Солдаты поснимали, что могли, с деревьев и получили НЗ.

Я доложил в полк, а ближе к утру на командный пункт батальона прибыла девушка с погонями старшего лейтенанта и двумя радистами. Она доложила, что является офицером наведения и будет находиться с батальоном до тех пор, пока полк выполняет задачи в этом районе. Так как её радисты – люди «благородного труда», работавшие, как правило, вдали от передовых позиций, я дал команду отрыть окоп для размещения этой группы, чтобы обеспечить безопасную работу во время боя, что было быстро сделано, и старший лейтенант в следующую ночь уже твёрдо управляла самолётами, которые летали над позициями противника напротив нашего участка. А чтобы они лучше видели передний край, нам было приказано на линии передовых окопов поставить зажжённые консервные банки, в которых

было налито веретённое масло (использовалось для смазки пулемётов и другого оружия), сделать пеньковые фитили и поджечь их к прилёту самолёта.

Мы страшно боялись, что тем поможем не только своим, но и противнику. Но эта и последующие ночи прошли благополучно, «Ночные ведьмы» подходили к обозначенному рубежу, выключали моторы, и, как планер, невидимый с земли, летали над противником, уничтожая его огневые точки. Таким образом, батальон, находясь в первом эшелоне обороны захваченного рубежа, готовился к наступлению. Была дана команда, и солдаты изучали возможные пути восхождения по этой горе, так как прямое наступление по каменистой высоте было невозможно. Атака была обеспечена хорошим артиллерийским налётом, что дало возможность преодолеть высоту и выйти к станции Микензиевы горы.

Готовились к штурму этой горы, что благополучно и сделали, когда начался штурм Севастополя. Нас осталось мало. На станции Микензиевы горы сам я получил контузию, поэтому не всё помню. В это время наш батальон вывели в резерв дивизии, и командир поставил задачу освободить от немцев северную сторону города Севастополь. Там бухта есть, за бухтой налево – основной город, а тут северная сторона, там заводики маленькие были, посёлки жилые. Но его в основном захватили румыны. Они когда увидели, что масса идёт, сразу сдались. Мы их не могли взять в плен, и убить нельзя. Кто-то посоветовал: мы взяли человек 10-15 румын и одного-двух немцев. Немцам дали бумагу, что это пленные такого-то, идут туда-то. Тут, как бы, немцы старшие, ведут румын. А в следующей партии – наоборот. И вот так они шли, и никто не убежал, все пришли, куда нужно. Мы вышли на Каркинитский залив Чёрного моря, в районе Бартедьевка.

Одновременно с нами в Бартедьевку вошли мотоциклисты развед-батальона соседней дивизии. Я доложил о выполнении задачи и получил команду вернуться к главным силам полка, который в это время вёл боевые действия по освобождению южной части города Севастополя. Оттуда наблюдали картину, как немцы бежали. Они уходили на пароходах, там такая борьба была за место! Наши миномётчики огонь вели по ним, далеко ещё в море, но вряд ли попали.

Потом парад был в Севастополе, через несколько дней после этого, на Сапун-горе, и мы после парада вышли на формирование. На этом, по существу, закончились боевые действия, после освобождения Севастополя. Мы получили команду сосредоточиться в северной части бухты для приведения себя в порядок, так как в дальнейшем, как мы узнали позже, было принято решение командования провести на Сапун-Горе военный парад в честь освобождения Севастополя. Парад состоялся 9-го или 10-го мая, не помню точно, и выглядел очень эффектно. На этом кончилась война для полка. Дивизию вывели в резерв Верховного Главнокомандования и дислоцировали в районе Белогорск (Карасу-Базар) и Феодосия, где пополнили, и началась боевая подготовка.

В целом хочу сказать, что на войне – как на войне, бывает хорошо, бывает плохо. То, что я получил четыре значка ГТО, ГХО и ПВХО и «Ворошиловский стрелок» – это очень большое дело. Я физически был подготовлен, имел определённые знания, и, когда я принял взвод, я во взводе самый молодой был. А были там деды, по 45 лет, но они уже подчинялись мне, постольку, поскольку я больше знал, чем они, хотя у них опыт жизненный был и боевой опыт был. Когда я проходил военную подготовку в школе, у нас была военная игра «На штурм», в которой я выполнял задачи начальника штаба игры. Это получалось, в миниатюре, то, с чем я потом столкнулся в штабе батальона на войне. Я собирал обстановку, докладывал командиру, проверял, как выполняется боевой приказ, учитывал потери.

Меня часто спрашивают, страшно на войне или нет. Как Вы можете определить из сказанного выше, я не был участником героических подвигов. Они не планируются, а просто создаётся обстановка. Героями не рождаются. Каждый воин, получивший задачу, обязан её чётко выполнять, со знанием дела. Что побуждает солдата выходить из окопа в атаку под огнём противника? Это своеобразный героический подвиг, но он вызван необходимостью разгромить и уничтожить врага. Психология человека на войне иная, чем в тылу. Находясь постоянно под угрозой смерти, никто не думает о ней, а, получив задачу, думают, как бы лучше её выполнить. Это я могу подтвердить примером взвода ПТО

лейтенанта Безручко, который бесстрашно вступил в бой с немцами, или тем же случаем с лейтенантом Кочергиным, и вообще действиями, особенно артиллеристов противотанковых орудий. Со своим желанием выполнить приказ, они не думали об угрозе, а думали, как быстрее выполнить задание. Поэтому все части, которые воевали в 1-м эшелоне, совершали героические подвиги. Только вырабатывая волевые качества в течение жизни можно стать воином.

После войны я остался в отделении Приморской армии, которая потом преобразовалась в Таврический военный округ, и до 1947 года, когда началось сокращение армии, дивизию переформировали в бригаду, и я получил должность заместителя командира батареи 120-мм миномётов. Это, естественно, продолжалось недолго, нас пригласили в политуправление округа, всех коммунистов (в апреле 1944 года я вступил в партию ВКП(б) в Перекопе, перед наступлением), как молодых и перспективных офицеров; нас оставляли в кадрах. Мы окончили краткосрочные курсы, и нас разослали по военным комиссариатам Таврического военного округа, это Крымская, Херсонская, Запорожская области. Начальник первой части, заместитель районного военного комиссара. Работа очень сложная, интересная, и, для того, чтобы её правильно выполнять, я попросился на курсы. Такие курсы были только одни в армии, и они располагались в городе Балашов Саратовской области.

Через семь месяцев, по окончании курсов, я вернулся в военкомат, другой уже, в Херсонской области, и написал рапорт для командирования на учёбу в академию. А к этому времени я закончил заочно 10-й класс Николаевской заочной средней школы. Рапорт был удовлетворён, я был зачислен кандидатом в Военную академию имени Фрунзе.

В 1952 году успешно сдал экзамены и был зачислен слушателем военной академии. В 1954 году окончил академию и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Южно-Уральский военный округ, в город Оренбург. В последующем был назначен в оперативный отдел офицером-оператором штаба округа. Дальше служба была в штабах округов, группы войск, Генеральном штабе, штабе Объединённых вооружённых сил, всё на различных

должностях оперативных отделов управления, закончил службу в звании генерал-майора, начальника направления в штабе Объединённых Вооружённых сил государств-участников Варшавского договора в 1978 году.

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Сапожников Георгий Андреевич**, студент 2-го курса Аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*